

УДК 94(470+571)''1905/1906

УЧИТЕЛЬСКИЙ «БУНТ» (К ИСТОРИИ ВОЛНЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ПЕРВОМ РЕАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ В 1905-1906 ГГ.)¹

Т. И. Паикова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д.48
pashkovat@gambler.ru

Рассматривается история конфликта между преподавательским коллективом и администрацией Санкт-Петербургского Первого реального училища в 1905 – 1906 гг. Анализ его показал, что в условиях революционного времени конфликтующие стороны прибегали для отстаивания своей позиции как к традиционным, так и к принципиально новым поведенческим тактикам, что правовые механизмы регулирования деятельности средних учебных заведений, в первую очередь Устав реальных училищ, фактически перестали работать. Попытки трансформации бюрократического устройства казенной средней школы, подведомственной Министерству народного просвещения, даже на волне революционных событий 1905 – 1906 гг. были обречены на неудачу.

Ключевые слова: реальное училище, Министерство народного просвещения, реформа средней школы.

Одним из существенных, но на сегодняшний день малоизученных общественно-политических явлений Первой русской революции были волнения в средних учебных заведениях столицы Российской империи. В ряде публикаций на эту тему мною были рассмотрены формы протестных действий учащихся гимназий и реальных училищ Петербурга, а также предпосылки и обстоятельства возникновения родительских организаций при учебных заведениях [Паикова, 2009, 2011а, 2011б, 2011в]. В данной статье мне хотелось бы проанализировать позицию учителей, являвшихся важнейшими участниками событий «школьной революции». В качестве объекта изучения был избран преподавательский коллектив Первого реального училища, поскольку именно в этом учебном заведении осенью 1905 г. ситуация обострилась до предела, что подвигло педагогов на решительные действия. Изучение их поведения в принципиально новых условиях, «линий разлома», возникших в коллективе, острого конфликта с администрацией училища, а также реакции окружного и министерского начальства позволяет не только оценить формы вовлеченности учителей в «школьную революцию», разные позиции по отношению к принципиальным вопросам учебной жизни и судьбы русской школы, но и выявить особенности служебного статуса, возможности для самостоятельного принятия решений, степень бюрократизации учебного дела и т.д. Основными источниками исследования являются протоколы педсовета Первого реального училища, переписка попечителя Санкт-Петербургского учебного округа с министром народного просвещения, материалы ревизии училища и другие документы из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Российского государственного исторического архива, впервые вводимые в научный оборот.

Ученические волнения в Первом реальном училище начались уже в январе–феврале 1905 г. [Паикова, 2011в, с. 99–102]. На этом этапе педагогический коллектив училища никак не проявил себя в качестве самостоятельной организации. Однако осенью 1905 г. сложилась уже совсем другая ситуация. На заседании педсовета 13 октября шесть преподавателей (В.А. Егунов, В.К. Иванов, Г.А. Лучинский, Э.Э. Лямбек, А.И. Янович, Р.А. Теттенборн) выразили «особое мнение», а 17 октября направили директору заявление о своем сочувствии принятому на митинге учителей и учительниц низших и средних учебных заведений решению присоединиться ко всеобщей политической забастовке².

В связи с беспорядками в большинстве средних учебных заведений Петербурга занятия в эти дни были отменены. Однако педсовет училища, заседавший под председательством инспектора И.А. Массальского 13 октября и также принявший решение об отмене уроков, признал «безусловно невозможным закрывать 14 октября двери... перед учениками в том случае, если они соберутся к

училищу». Вопреки этому решению директор Н.Н. Пашковский закрыл доступ в здание учебного заведения, чем, по словам В.А. Егунова, «довел учеников до учинения насилия», проявившегося во взломе дверей³. Один из участников этих событий, Н. Яковлев, впоследствии вспоминал: «... группа наших реалистов с учащимися других средних учебных заведений, а также взрослыми, студентами и рабочими пытались проникнуть в училище, чтобы устроить в нашем громадном актовом зале митинг. Их не пускали, толпа все же ворвалась, но была удалена полицией, вызванной директором Н.Н. Пашковским» [Яковлев, 1924, с. 16]. Этот инцидент спустя некоторое время стал поводом для серьезного конфликта между учителями и администрацией училища.

Попечитель округа П.П. Извольский провел 22 октября совещание начальников и начальниц средних учебных заведений Петербурга, на котором было принято решение возобновить работу школ 25 октября. Для Первого реального училища делалось исключение: поскольку на этот день приходился «местный праздник», т. е. день основания училища, занятия в нем должны были начаться 26-го числа⁴. А 24 октября был создан педсовет, который начался весьма необычно, а именно с предложения Г.А. Лучинского «почтить вставанием память борцов, павших в борьбе за свободу, возведенную в манифесте 17-го октября, начиная с Радищева, Новикова, декабристов и кончая жертвами последних дней»⁵ (пожалуй, этот «инцидент» – единственное известное мне на сегодняшний день свидетельство такого явного проникновения «политики» в учительскую среду. – Т.П.). Закрытие же дверей училища директором 14 октября было охарактеризовано В.А. Егуновым и А.И. Яновичем как пренебрежение мнением педагогической корпорации, а постановление директорского совещания о возобновлении занятий 26 октября – как нарушение прерогатив педсовета⁶. На заданный директору вопрос о том, насколько стойко он защищал на совещании у попечителя решения педсовета и защищал ли их вообще, Н.Н. Пашковский отвечать отказался и заявил, что он «не поднимал этого вопроса, так как думал, что манифест 17 октября удовлетворил всех» (очевидно, подразумевалось, что после дарования манифеста ученики успокоятся и волнения прекратятся сами собой)⁷. Вслед за этим А.И. Яновичем и В.А. Егуновым было внесено предложение послать депутацию к попечителю и от имени совета выразить недоверие директору и инспектору училища. Однако директор отказался выносить этот вопрос на обсуждение и закрыл заседание, что вызвало возражения уже не только у двух упомянутых наиболее активных членов педсовета, но и у 14 из 19 преподавателей, участвовавших в этом заседании⁸.

Таким образом, данный эпизод свидетельствует о том, что в отличие от других педагогических коллективов, привычно рассудивших, что «начальству виднее» и покорно «взявших под козырек», учителя Первого реального училища впервые проявили строптивость. Вероятно, последней каплей послужил инцидент 14 октября, когда для устранения возникших беспорядков директор прибег к такому «неблаговидному с педагогической точки зрения средству как обращение ... к полиции» и тем «уронил свой нравственный авторитет перед учащимися»⁹. Однако мишенью для критики стали не окружные чиновники (как предположил А.И. Янович, вряд ли попечитель принуждал директора идти против решения педсовета¹⁰), а администрация учебного заведения. Глава училища Н.Н. Пашковский вел себя в сложившейся ситуации привычно авторитарно: подчеркнул, что не обязан отвечать на некоторые вопросы своих подчиненных, а потом и вовсе своей властью председателя совета закрыл заседание, несмотря на протесты собравшихся. После этого оставшиеся преподаватели продолжили заседание в частном порядке и, «исходя исключительно из педагогических соображений, постановили выразить недоверие и порицание директору и инспектору, не придавая этому официального значения». Одновременно, очевидно, для придания легитимности своим беспрецедентным действиям, они направили депутацию из трех человек к попечителю округа П.П. Извольскому. Как тот впоследствии вспоминал, он разъяснил явившимся, что «постановления закона дают членам педагогического совета широкое право инициативы в постановке тех или других вопросов, касающихся предметов ведения Совета, независимо от того – были ли те же вопросы так или иначе уже разрешены единолично властью директора или инспектора училища». При этом попечитель подчеркнул, что смотрит на принятое преподавателями постановление как «на выражение мнения частных, не должностных лиц», как на «мнение граждан»¹¹.

Экстренное заседание педсовета было созвано 25 октября и закончилось в 2.30 часа ночи. Преподаватель Г.А. Лучинский сообщил, что у попечителя была депутация, которая выяснила, что округ «не отдавал приказаний начинать занятия безусловно 26 октября» и что «по местным условиям» возможно было выбрать и иной день, если это будет признано необходимым педсоветами¹².

При обсуждении вновь поставленного вопроса о вынесении недоверия среди членов педсовета возникли трения. Так, учитель Г.М. Князев заявил, что выражать доверие или недоверие можно только выборным, а не назначенным лицам (т.е. в данном случае целесообразно говорить лишь о «неодобрении» или «сожалении»). Кроме того, с его точки зрения, Н.Н. Пашковский на директорском совещании выступал как начальник училища, а не как его представитель и поэтому имел право высказывать там свое, пусть даже и единоличное мнение¹³. Однако, поскольку на этот раз требование голосования по вопросу о недоверии было поддержано многими членами педсовета (возможно, вдохновленными результатами визита их коллег к попечителю), директор вынужден был пойти на уступки, но вместе с инспектором удалился из зала заседаний. В результате большинством в пятнадцать голосов при одном голосе против и одном воздержавшемся недоверие было объявлено¹⁴. Надо отметить, что при этом педсовет по предложению А.И. Яновича «отличать в действиях Н.Н. Пашковского директора от сотоварища» единогласно выразил своему начальнику «глубокую благодарность за... настоящую отзывчивость, сердечность и корректность в личных отношениях» с каждым из его сослуживцев¹⁵.

После перерыва заседание возобновилось под председательством инспектора И.А. Массальского. Было признано, что возобновление занятий 26 октября невозможно из-за тревожного, а по отношению к некоторым преподавателям – враждебного настроения учеников, а также ввиду «непокойности улицы». С учениками, которые должны были явиться в училище по разосланным уже повесткам, решили поступить следующим образом: младших распустить, а старших собрать в актовом зале и обратиться к ним с заявлением от имени педсовета. Для оглашения заявления был избран А.И. Янович. Он должен был сообщить о том, что отныне учебно-воспитательными делами в училище будет заведовать педсовет, что «дело обучения и воспитания возможно только при взаимном доверии... учителей и учеников и при единении их». Предполагалось предложить старшеклассникам самим выбрать из состава педагогов четверых, которые будут выступать в роли посредников, и разрешить ученические собрания¹⁶. Один из членов педсовета, Г. М. Князев, голосовавший против выражения недоверия администрации, остался при своем особом мнении, которое было представлено в приложении к протоколу от 25 октября.

Этот случай свидетельствует, на мой взгляд, о том, что сфера компетенции педсоветов и отношения их с начальниками учебных заведений не были четко определены в законодательстве. Так, Г.М. Князев, ссылаясь на устав, утверждал, что вопрос о выражении недоверия в принципе не подлежит обсуждению на педсовете, тем более что директор и инспектор «назначаются высшей властью», и, следовательно, позиция педагогической корпорации «не может иметь ни внутреннего смысла, ни реального или практического значения». Оправдывая действия Н.Н. Пашковского 14 октября, Г.М. Князев указывал, что по тому же уставу «ответственность за все происходящее в учебном заведении... всецело и исключительно падает на директора, и педсовет едва ли имеет даже нравственное право судить его, если он... поступит соображаясь с своим личным пониманием служебного долга, не считаясь с мнением безответственных членов педагогической корпорации». Поскольку дело происходило до обнародования манифеста 17 октября, начальник училища должен был нести серьезную ответственность «за допущение незаконного собрания в стенах вверенного ему учебного заведения и перед министром народного просвещения, и перед генералом Треповым, и перед графом Витте»¹⁷.

Вероятно, уже 26 октября старшеклассниками Первого реального училища были выбраны в качестве посредников в общении с педсоветом преподаватели В.А. Егунов, Г.А. Лучинский, А.И. Янович и С.И. Ковалевский. Директор Н.Н. Пашковский после всего произошедшего спешно подал рапорт о болезни и попросил у начальства отпуск на один месяц¹⁸. Такое же намерение имел и инспектор И.А. Массальский, который 1 ноября дал обещание депутации от частного собрания 15 преподавателей подать прошение об отпуске и оставить службу¹⁹. Однако потом он принял решение просить у попечителя расследования своих действий, «дабы восстановить... доброе имя», и временно стал исполнять должность директора. В своем донесении попечителю от 15 ноября он утверждал, что упомянутые четверо посредников стали считать себя «полновластными распорядителями в училище» и помимо педсовета разрешили ученикам сходки 27, 28, 31 октября и 11 ноября, ввели в старших классах новую школьную организацию (выборных классных старшин), товарищеский суд и т. д.²⁰ И.А. Массальский созывал педсовет 4, 6 и 9 ноября, пытался поставить на обсуждение вопрос о деятельности этих четырех лиц и «указать на незаконное присвоение ими не при-

надлежащей им власти», однако под разными предлогами педсовет уклонялся от дебатов по этому поводу. В конце концов, на заседании 9 ноября возник серьезный конфликт между И.А. Массальским и коллегами, которые обвинили его в «полицейских способах воздействия на учащихся» и в том, что инспектор «не способен действовать в духе новых отношений между членами педсовета и учащимися, основанных на взаимном доверии». В результате при баллотировке было принято решение, согласно которому возобновление занятий в училище невозможно при условии выполнения И.А. Массальским своих должностных обязанностей²¹. На родительском собрании, состоявшемся 17 ноября большинством голосов постановили просить инспектора немедленно взять отпуск, прежде чем будет произведено надлежащее расследование²². На следующий день попечитель П.П. Извольский возбудил ходатайство о производстве расследования беспорядков в училище, которое министр И.И. Толстой поручил юрисконсульту Министерства народного просвещения тайному советнику В.Н. Мамантову²³. На этот период заведование учебным заведением было возложено на старшего преподавателя С.И. Ковалевского²⁴.

Ревизия Первого реального училища была проведена в период между 18 ноября и 2 декабря 1905 г. На основе ее результатов глава министерства пришел к заключению о том, что группа преподавателей училища в составе В.А. Егунова, А.И. Яновича, Р.А. Теттенборна, Э.Э. Лямбека, В.К. Иванова, А.Х. Преображенского, Г.А. Лучинского, Э.К. Проктора и М.Д. Штауде²⁵ нарушила статьи 710, 712 и 714 Устава о службе гражданской. Министр считал оставление училища в заведывании педсовета, «присвоившего себе законом не установленные функции» невозможным и распорядился предъявить виновным обвинение по статьям 393 и 394 Уложения о наказаниях, а также потребовать от них согласно статье 1086 Устава уголовного судопроизводства надлежащих объяснений²⁶. И.И. Толстой велел также поместить в «Правительственном вестнике» от 4 декабря официальное сообщение министерства «в предупреждение появления в обществе и в печати различных неправильных суждений и тенденциозных объяснений» того, что «за привлечением значительного числа должностных лиц» Первого реального училища «к законной ответственности за учинение неправильных действий по службе, продолжение правильных занятий ... представляется фактически невыполнимым»²⁷. Училище было закрыто с 3 декабря до начала второго полугодия. Это единственный случай в ходе «школьной революции», когда среднее учебное заведение Петербурга прекратило свою деятельность не по причине ученических волнений, а в связи с противоправными с точки зрения властей действиями педагогического коллектива. Пятого декабря обвиняемым были разосланы письма попечителя округа с требованием доставить письменные объяснения по существу дела не позже 12-го числа²⁸.

Рассмотрим подробнее, как трактовало министерство указанные статьи российского законодательства и каковы были аргументы обвиняемой стороны.

Статья 710 Устава о службе гражданской гласила, что «никто из служащих не должен простирает власти своей за пределы, предназначенные оной законом»²⁹. Суть совершенных преподавателями училища правонарушений определялась следующим образом: «преследуя цель изменить законом установленный строй училища, вынудили директора и инспектора отказаться от своих обязанностей; предприняли действия, клонящие к введению автономного (неизвестного средним учебным заведениям) строя училища и особой организации учащихся»³⁰. При этом делались ссылки на «целый ряд постановлений и свидетельские показания», однако никаких конкретных доказательств приведено не было. В своих рапортах учителя либо полностью отрицали выдвинутые обвинения, ссылаясь на то, что не имели для этого соответствующей власти и не применяли физическую силу, либо пытались оправдать свои действия «желанием внести мир и любовь в души юношей, а не какими-нибудь посторонними целями». Так, Г.А. Лучинский объявил себя убежденным сторонником автономии средней школы, о чем было, по его словам, известно и министру, и попечителю округа П.П. Извольскому³¹.

Статья 712 определяла то, что «каждое лицо, состоящее в службе, обязано оказывать уважение предпоставленному к нему старшему лицу, принимать от него приказания и исполнять их с точностью...», а статья 714 – то, что «всякое неуважение к начальству, изъявленное в делах службы письменно или словесно, взыскивается строго по законам»³². Педагоги обвинялись в «нарушении столь необходимой в учебных заведениях дисциплины», что проявилось в выражении недоверия своему непосредственному начальству в лице директора и инспектора училища». В качестве доказательства приводилось постановление педсовета от 25 октября³³. Что касается данного пункта об-

винения, то некоторые фигуранты ссылались на то, что обсуждение в педсовете действий администрации не противоречит Уставу реальных училищ (В.К. Иванов), или на то, что возбудить вопрос о недоверии они имели право на основании ст. 1697 XI части II тома Свода законов (изд. 1893 г.): «Важнейшие дела реальных училищ, относящиеся до учебной и воспитательной части, обсуждаются в их педагогических советах или комиссиях» (В.А. Егунов). Педагоги утверждали, что педсовет – орган, стоящий выше директора и инспектора и «в силу этого имеющий полное право подвергать своей критике их служебные действия» (Э.К. Проктор). Большинство обвиняемых подчеркивали коллегиальный характер принятого ими решения и протестовали против привлечения к ответственности отдельных лиц³⁴.

В статьях 393 и 394 Уложения о наказаниях говорилось о санкциях за «явно оказанное начальству в делах службы ослушание, кроме лишь случая, если бы начальник потребовал чего-либо противозаконного», и «за грубое или неприличное с начальником обхождение, произнесение в присутствии его, или хотя и без него, но публично, каких-либо оскорбительных для чести его слов, или прямое его оскорбление бранными или ругательными словами»³⁵. Стоит отметить, что в отличие от предыдущих пунктов обвинения этот не был подкреплен ссылками на какие-либо факты или документы. Поэтому вполне естественно, что практически все преподаватели отказались признавать свою вину, подчеркивая отсутствие каких бы то ни было оскорблений в адрес своего непосредственного начальства³⁶.

Двум фигурантам этого дела – А.И. Яновичу и Г.А. Лучинскому – вменялось сверх того в вину то, что они, «совершенно игнорируя требования служебного долга и принцип подчиненности, не остановились перед резкой критикой тех же начальствующих лиц на родительском собрании, даже не стеснясь присутствием на этом собрании массы учеников, на которых подобный образ действий преподавателей, разумеется, не мог не оказать растлевающего влияния в смысле колебания авторитета начальников учебного заведения в глазах юношества, вверенного государственной властью их попечением». При этом не было отсылок к каким-либо статьям российского законодательства³⁷. Пытаясь оправдаться, А.И. Янович опровергал факт непосредственного присутствия учеников на родительских собраниях и требовал сообщить ему имена родителей, которые сделали на него ложный донос, желая привлечь их к ответственности за клевету³⁸. В защиту своих коллег выступил Э.Э. Лямбек, который выразил удивление по поводу того, что «за произнесение речей перед родителями предъявлено обвинение только двум его товарищам». Тогда уж нужно было бы обвинить и инспектора И.А. Массальского, написавшего родителям письмо, и Г.М. Князева, «старавшегося во что бы то ни стало втянуть родителей в разбирательство... конфликта», да и его самого (т.е. Э.Э. Лямбека. – *Т. II.*), который также на собрании сказал родителям несколько слов, поскольку не видел в этом «преступления»³⁹.

Таким образом, разбираемый прецедент свидетельствует, на мой взгляд, с одной стороны, о нечеткости российского законодательства, в частности, Устава о службе гражданской, под санкции которого при желании можно было подвести любые действия государственных служащих, а с другой – об отсутствии у юристов Министерства народного просвещения убедительной доказательной базы о данном деле.

Необходимо также отметить, что, хотя одним из важнейших пунктов обвинения (по сути, единственный реальный документ, на который ссылалось министерство, – это протокол заседания от 25 октября) являлось вынесение педсоветом резолюции о недоверии директору и инспектору училища, за которую проголосовало 15 человек, к ответственности были привлечены только 9 преподавателей. Получается, что об их вине судили главным образом по рапортам И.А. Массальского и заявлениям каких-то не названных родителей. Несмотря на это обстоятельство, против учителей Первого реального училища было возбуждено судебное преследование. Министр И.И. Толстой 15 декабря 1905 г. запросил у прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты информацию о производстве предварительного следствия⁴⁰. На данном этапе к упомянутым статьям законодательства, по которым обвинялись преподаватели, была добавлена статья 344 Уложения о наказаниях, в которой говорилось о самовольном «препятствовании» кому-либо в отправлении должности⁴¹. В соответствии со статьей 1100 Устава уголовного суда и статьей 787 Устава служебного подследственных должны были быть немедленно уволены⁴².

По распоряжению попечителя округа 8 преподавателей Первого реального училища (за исключением Э.К. Проктора, который по каким-то причинам не попал в этот список) были удалены

со службы с 15 декабря 1905 г.⁴³ Те из них, кто работал по совместительству в других учебных заведениях, лишились своих мест и там (Г.А. Лучинский, В.К. Иванов, М.Д. Штауде – в Ларинской гимназии⁴⁴, Г.А. Лучинский, Э.Э. Лямбек – в Покровской женской гимназии⁴⁵). Что касается Э.К. Проктора, то, по-видимому, он также был уволен. Во всяком случае, в начале 1906 г. он уже являлся преподавателем новой частной школы, основанной в Петербурге Л.Д. Лентовской и И.А. Смирновым [Пащикова, 2013а, с. 66]. В донесении попечителя округа Департаменту полиции об этом учебном заведении Э.К. Проктор упоминался в числе лиц, «лишившихся уроков в казенных учебных заведениях»⁴⁶.

Тем временем Первое реальное училище продолжало «лихорадить». Так, С.И. Ковалевский, назначенный временно управляющим, 9 декабря поручил обязанности инспектора А.И. Яновичу, чем навлек на себя гнев окружного начальства, ибо по закону инспектор мог назначаться только попечителем⁴⁷. И 11 декабря временное исполнение обязанностей инспектора было возложено последним на преподавателя И.И. Свенцицкого, однако через два дня тот подал прошение об освобождении, пояснив, что «при настоящих обстоятельствах... лишен нравственной возможности быть полезным в этом деле»⁴⁸. Ни Н.Н. Пашковский, ни И.А. Массальский больше в училище не вернулись: первый подал прошение об увольнении, второй был перемещен с 1 января 1906 г. на должность преподавателя истории в Покровскую женскую гимназию⁴⁹. Наконец, 21 декабря в должность директора Первого реального училища вступил Н.В. Волков, бывший преподаватель русского языка Седьмой гимназии, а 30 декабря инспектором стал И.Д. Яковлев⁵⁰.

Двадцать второго декабря в училище состоялось общее собрание родителей, заслушавшее отчет депутации, бывшей у министра народного просвещения с ходатайством об открытии учебного заведения для занятий и с просьбой не освобождать от должностей обвиняемых учителей. Собрание постановило, что «правильные и нормальные занятия невозможны, если в училище будут новые лица вместо упомянутых выше преподавателей, которых дети высоко ценили и к которым относились с полным доверием, благодаря чему можно было поддерживать полное спокойствие среди детей даже тогда, когда кругом все волновалось»⁵¹. Разумеется, это ходатайство удовлетворено не было. По свидетельству Н. Яковлева, в училище появились 11 новых преподавателей, державшихся «очень осторожно» [Яковлев, 1924, с. 18].

Восьмого января 1906 г. уже под руководством новой администрации состоялся педсовет, обсуждавший возможность возобновления занятий. Было решено ходатайствовать перед министром об открытии подготовительного, первого и второго классов с 12, третьего – с 14, а четвертого – с 16 января; старших же реалистов предполагалось вызвать для предварительной беседы с новым директором⁵². Двадцатого января в Первом реальном училище началась очередная ученическая забастовка в связи с «повсеместным» увольнением «любимых и в тоже время лучших педагогов» [Яковлев, 1924, с. 18–19]⁵³. Собравшиеся на сходку молодые люди подписали письмо, в котором выражали «свое сочувствие и глубокую любовь... преподавателям... уволенным теми темными силами, которые всегда вырывали ... все лучшее и светлое только за попытку внести свежую струю в ... затхлую школьную жизнь» [Знаменский, 1906, с. 250].

Только через год после начала всех этих бурных событий, 27 октября 1906 г., новый министр народного просвещения П.М. Кауфман сделал итоговый доклад «О преступлениях по должности некоторых преподавателей Санкт-Петербургского 1-го реального училища». Провинившиеся были названы «явными сторонниками» автономного устройства средней школы, которые, воспользовавшись «недостаточной самостоятельностью и мягкостью характера директора ..., а также пассивным отношением к делу большинства членов совета», «настояли на том, чтобы целым рядом постановлений умалить власть непосредственного начальства училища»⁵⁴. Их вина, по мнению министерства, заключалась в том, что они передали училище в заведывание педагогического совета и установили непосредственные отношения с воспитанниками, предоставив последним право сходок, избраний депутатий, учреждения товарищеского суда и т.п. Эти действия квалифицировались как прямое нарушение служебной дисциплины и долга подчиненности. Однако следствие установило, что целый ряд предосудительных с педагогической точки зрения поступков обвиняемых не являлся уголовно наказуемым. Дело было передано на рассмотрение Совета министра народного просвещения. При вынесении решения были учтены два «смягчающих» обстоятельства. Одним из них стал тот факт, что педагоги, протестуя против распоряжений директора, в то же время в особом адресе заявили о своем уважении его как «человека и сослуживца», другим – то, что они подали в ми-

нистерство «прошение о непредании их суду и разрешении дела административным порядком». В результате уголовное преследование по делу было прекращено⁵⁵.

Шестнадцатого ноября 1906 г. П.М. Кауфман поручил попечителю округа объявить следующий вердикт. Преподавателям М.Д. Штауде, Э.Э. Лямбеку, Р.А. Теттенборну, А.Х. Преображенскому, В.К. Иванову был объявлен выговор «за недостойное лиц педагогического персонала отношение их к своим обязанностям»; В.А. Егунов, А.И. Янович и Г.А. Лучинский были квалифицированы как инициаторы и главные руководители «означенных действий» и получили строгий выговор. Вместе с тем министр просил сделать надлежащие распоряжения о зачете в действительную службу «времени бытности их под следствием и об удовлетворении их удержанной частью содержания за то же время»⁵⁶.

Итак, история конфликта в Первом реальном училище – это уникальный случай *солидарных действий* части учительского коллектива против своего непосредственного начальства – директора и инспектора учебного заведения. Линии поведения, которым следовали обе конфликтующие стороны, во многом совпадали. С одной стороны, их тактики были вполне традиционными. Прежде всего, будучи государственными служащими, они апеллировали к высшему (окружному) учебному начальству, которое в подобных ситуациях должно было выступать в роли арбитра⁵⁷. Директор Н.Н. Пашковский и инспектор И.А. Массальский регулярно отправляли попечителю П.П. Извольскому соответствующие представления и донесения. «Бунтовщики» побывали у попечителя как минимум дважды, 24 и 29 октября, прося его «указаний», и в своих объяснительных рапортах и показаниях подчеркивали, что их действия были ему известны, а в ходе следствия настаивали на вызове попечителя и допросе в качестве свидетеля⁵⁸. Кроме того, и те и другие ссылались на статьи действовавшего законодательства и прибегали к юридической казуистике. С другой стороны, принципиально новым явлением стали попытки как начальства училища, так и протестовавших против его действий учителей привлечь в качестве союзников родителей учеников (раньше школа как социальный институт их совершенно игнорировала (см.: [Пашкова, 2013б, 2011а]). Однако существовало одно важное различие: администрация и поддержавшие ее педагоги по-прежнему предпочитали авторитарный стиль общения с бастовавшими учащимися училища, в то время как обвиняемые преподаватели вполне успешно пытались наладить с ними конструктивный диалог и призвать к сотрудничеству.

Наконец, данная история показала, что правовые механизмы регулирования деятельности средних учебных заведений, в первую очередь Устав реальных училищ, в условиях «школьной революции» фактически перестали работать. Раньше законодательные нормы обеспечивали надежное сохранение незыблемого школьного порядка. В обычной ситуации, когда директор рассматривался как «хозяин» учебного заведения, а педагогический совет был лишь «машиной для голосования», никаких формальных проблем не возникало. Осенью 1905 г. этот порядок стал нарушаться, что свидетельствовало о глубоком кризисе средней школы. В частности, как только педсовет проявил самостоятельность и открытое несогласие с действиями администрации, привычная система дала сбой. Во-первых, выяснилось, что компетенция педсовета определена в слишком общих выражениях, которые можно трактовать по-разному («важнейшие дела реальных училищ, относящиеся до учебной и воспитательной части...»⁵⁹). Во-вторых, оказалось неясно, когда директор выступает как начальник училища, а когда – как его представитель, а также то, является ли он «исполнительным органом» педсовета. В-третьих, поскольку администрация учебного заведения назначается, а не выбирается, выражение ей неодобрения, порицания или недоверия не имеет практического значения: она не подконтрольна педагогическому коллективу. В-четвертых, в Уставе отсутствовали указания на то, при каком числе членов педсовета его заседания считались действительными и т.д.⁶⁰

Как мы убедились, одним из главных обвинений, выдвинутых министерством против «бунтовщиков», стало их стремление установить «автономное устройство» училища. Идея «автономной школы» в конце 1905 – начале 1906 г. была предметом острейшей общественной дискуссии. Под этим понятием подразумевалось «коллегиальное ведение дела в школе, с выборными на срок должностными лицами и самопополнением школьного персонала» [Мусин-Пушкин, 1914, с. 97; Толстой, 1997, с. 116–117]. Опыт Первого реального училища показал, что попытки пробить брешь в бюрократическом устройстве учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения, даже на волне революционных событий 1905 – 1906 гг. были обречены на неудачу. Ведомство твердо стояло на страже устоев и сурово карало ослушников. Любая критика начальства

воспринималась как серьезный дисциплинарный проступок. Кроме того, необходимо учесть, что в большинстве гимназий и реальных училищ Петербурга педагоги добровольно (будучи частью чиновничье-бюрократической системы) или вынужденно (боясь неизбежных взысканий по службе) пытались всеми возможными способами сохранить существовавший школьный режим и не поддерживали своих бунтовавших коллег. На данном этапе протестные выступления преподавателей средней школы на рабочем месте были скорее уделом одиночек. Реальные шаги к установлению «автономии» и коллегиального управления в этих условиях были возможны лишь в частных школах, которые в меньшей степени испытывали давление округа и министерства [Паикова, 2013а, с. 65–69].

Примечания

- ¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 11-01-00101а.
- ² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб.). Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237. Л. 11, 12; Ф. 64. Оп. 1. Д. 1598. Л. 21.
- ³ Там же. Д. 17911. Л. 24об., 26об.
- ⁴ Там же. Л. 24.
- ⁵ Там же. Л. 24.
- ⁶ Там же. Л. 24об. – 25.
- ⁷ Там же. Л. 25.
- ⁸ Там же. Л. 25об.
- ⁹ Там же. Л. 30.
- ¹⁰ Там же. Л. 25об.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 733, 1569. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 – 4, 5об.
- ¹² ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17911. Л. 26; Д. 17912. Л. 94.
- ¹³ Там же. Л. 26об.
- ¹⁴ Там же. Л. 27.
- ¹⁵ Там же. Л. 27об.
- ¹⁶ Там же. Л. 28 – 28об; Д. 17912. Л. 97 – 97об.
- ¹⁷ Там же. Д. 17911. Л. 29 – 30об.
- ¹⁸ Там же. Л. 35.
- ¹⁹ Там же. Д. 17912. Л. 99об.
- ²⁰ Там же. Л. 97об.
- ²¹ Там же. Л. 98об–99об.
- ²² Там же. Д. 17911. Л. 37.
- ²³ Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 10, 25; Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237. Л. 14; Д. 17911. Л. 37об.
- ²⁴ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17911. Л. 37об.
- ²⁵ Н. Яковлев в своих мемуарах упоминал в составе группы «молодых радикальных учителей» О.К. Неймана, А.П. Глебовского и Г.Г. Гобара [Яковлев, 1924, с. 16], однако по документам какая-либо активная деятельность этих лиц не прослеживается. Г.Г. Гобар и О.К. Нейман, судя по протоколу, отсутствовали на заседании педсовета 25 октября и не участвовали в голосовании по вопросу о недоверии директору и инспектору.
- ²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 10, 25; Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237. Л. 14–14об.
- ²⁷ Там же. Л. 10, 25, Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237. Л. 14–14об; РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 810. Л. 135–136.
- ²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10188. Л. 1 – 2.
- ²⁹ Устав о службе по определению от правительства. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/175/124.html#img125> (дата обращения: 6.03.2014).
- ³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237. Л. 14–14об.
- ³¹ Там же. Л. 15, 18; Д. 10188. Л. 3об., 4об., 5, 9–10.
- ³² Устав о службе по определению от правительства. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/175/124.html#img125> (дата обращения: 6.03.2014).
- ³³ ЦГИА СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 10, 25; Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237. Л. 14–14об.
- ³⁴ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10188. Л. 3-3об., 4-4об., 6-6об., 7об., 12, 8об., 11, 9–10.
- ³⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229/51.html>; <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229/52.html> (дата обращения: 6.03.2014).
- ³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10188. Л. 3-3об., 4-4об., 6-6об., 7об., 12, 8об., 11, 9–10.
- ³⁷ Там же. Д. 10237. Л. 14–14об.; Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 10, 25.
- ³⁸ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17911. Л. 42; Д. 10237. Л. 15.
- ³⁹ Там же. Д. 10188. Л. 4 – 4об.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2747. Л. 1.
- ⁴¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229/43.html>

(дата обращения: 6.03.2014).

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2747. Л. 1.

⁴³ Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 23–23об.; Ф. 139. Оп. 1. Д. 17911. Л. 15 – 15об.

⁴⁴ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2747. Л. 1; Ф. 139. Оп. 1. Д. 17911. Л. 21.

⁴⁵ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17911. Л. 21об. – 22.

⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ОО 1906 II. Д. 3. Ч. 17. Л. 35об.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 17 – 19 (утверждение Н. Яковлева о том, что С.И. Ковалевский и А.И. Янович были «избраны» на свои должности, не соответствует действительности).

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 20, 22.

⁴⁹ Там же. Д. 1623. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Л. 1, 4.

⁵¹ РГИА Ф. 733. Оп. 1. Д. 811. Л. 14 – 14об.

⁵² ЦГИА СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 44об; РГИА Ф. 733. Оп. 1. Д. 811. Л. 19 – 20.

⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 811. Л. 45

⁵⁴ В составе педагогического совета Первого реального училища насчитывалось 28 человек (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17912. Л. 98).

⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 811. Л. 128 – 129.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1621. Л. 87–87об.

⁵⁷ Об учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. Ст. 1730, 1760. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/250/171.html>; <http://civil.consultant.ru/reprint/books/250/174.html> (дата обращения: 6.03.2014).

⁵⁸ РГИА Ф. 1569. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 5 – 5об; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10237. Л. 17–18; РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁵⁹ Об учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. Ст. 1697. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/250/168.html>. (дата обращения: 6.03.2014). Так, возникли разногласия по поводу того, подлежит ли компетенции педсовета вопрос о закрытии и открытии училища, может ли он обсуждать вопрос о выражении недоверия начальствующим лицам и др.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17911. Л. 26об., 29; Д. 17912. Л. 98.

Библиографический список

Знаменский С.Ф. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение. СПб., 1909. 294 с.

Мусин-Пушкин А.А. К вопросу о взаимных отношениях семьи и школы в педагогической литературе и школьной практике у нас и на западе. СПб., 1914. 171 с.

Об учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/250/168.html>. (дата обращения: 6.03.2014).

Паикова Т.И. «Здесь нужна бескорыстная любовь и гнетущая душевная боль отцов и матерей за благо и лучшее будущее своих детей» (к вопросу о возникновении родительских организаций в петербургских гимназиях) // Известия Тверского гос. ун-та. Сер.: История. 2011а. № 19. С. 44–57.

Паикова Т.И. Казенная гимназия накануне «школьной революции»: дело о самоубийстве Бориса Кольшкина (март–апрель 1905 г.) // Нестор: Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2009. №13. Мир детства: семья, среда, школа: Источники, исследования, историография. СПб., 2009. С. 75–93.

Паикова Т.И. «Новая школа» И.А. Смирнова и Л.Д. Лентовской как альтернатива казенной гимназии начала XX в. // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Соц.-эконом. науки и искусство. 2013а. № 3(78). С. 65–69.

Паикова Т.И. «Рознь семьи и школы» и поиски путей ее преодоления в начале XX в. // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013б. № 1. С. 146 – 160.

Паикова Т.И. «Смерть бюрократизму!»: Петербургские гимназисты о школьной реформе // Родина. 2011б. № 12. С. 137–139.

Паикова Т.И. Учащиеся средних учебных заведений Петербурга в первые месяцы революции 1905 г. // Полит. история России XX в.: К 80-летию проф. Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. тр. / Ред. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2011в. С. 93–104.

Толстой И.И. Воспоминания Министра народного просвещения графа И.И. Толстого, 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. СПб., 1997. 334 с.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229/43.html> (дата обращения: 6.03.2014).

Устав о службе по определению от правительства. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/175/124.html#img125> (дата обращения: 6.03.2014).

Яковлев Н. К истории петербургского среднешкольного движения 1904 – 1909 гг. Воспоминания реалиста // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Сб. 1. Из истории революционного движения учащихся средне-учебных заведений Петербурга. 1905–1917 гг. Л., 1924. С. 9–40.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.04.2014

TEACHERS' «RIOT»: ON THE ISSUE OF THE UNREST IN THE FIRST SAINT PETERSBURG NON-CLASSICAL SECONDARY SCHOOL (*REAL'NOE UCHILISHCHE*), 1905 – 1906

T. I. Pashkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika Embankment, 48, 191186, Saint Petersburg, Russia
 pashkovat@rambler.ru

The paper based mainly on unpublished documents from the Central State Historical Archives of Saint Petersburg and the Russian State Historical Archives focuses upon the conflict between the teaching staff and the administration of the first Saint Petersburg non-classical secondary school (*real'noe uchilishche*), which happened in 1905–1906. Special attention is paid to the teachers' behavior under the new conditions, caused by the First Russian revolution, and to the reaction of their heads from the Saint Petersburg Educational District and from the Ministry of Education. It helps to reveal the forms of the teachers' involvement into the so called “school revolution”, as well as their attitudes towards the main issues of school life and the future of Russian secondary education. Of special interest is also the question whether the teachers had an opportunity to take independent decisions under bureaucratic pressure. The author comes to a conclusion that the case under consideration reveals inner contradictions and imperfection of a number of legal norms, which regulated activities of the secondary schools, and in the first place that of the Statute of non-classical secondary schools. The teachers' attempt at establishing collective management after the removal of the director and inspector of the school ended for the “rebels” with dismissal of their posts and putting them on a trial. So, the transformation of the bureaucratic order of the state secondary schools, dependent to the Ministry of Education, even on the wave of the revolutionary events of 1905 – 1906, was doomed to failure. In most of classical gymnasiums and non-classical secondary schools of Saint Petersburg, teachers supported, voluntarily or by force, the existing school regime and did not side with their “rebellious” colleagues. Under those conditions, real advance to autonomy and collective management was possible only in private schools, which experienced less pressure of the Saint Petersburg Educational District and the Ministry of Education.

Key words: non-classical secondary school, the Ministry of Education, secondary school reform.

References

- Znamenskiy S.F.* Srednyaya shkola za poslednie gody. Uchenicheskie volneniya 1905-1906 i ikh znachenie. St.Petersburg, 1909. 294 p.
- Musin-Pushkin A.A.* K voprosu o vzaimnykh otnosheniyakh sem'i i shkoly v pedagogicheskoi literature i shkol'noi praktike u nas i na zapade. St. Petersburg, 1914. 171 p.
- Ob uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/250/168.html>
- Pashkova T.I.* «Zdes' nuzhna beskorystnaya lyubov' i gnetushchaya dushevnyaya bol' ottsov i materei za blago i luchshee budushchee svoikh detei» (k voprosu o vzniknovenii roditel'skikh organizatsii v peterburgskikh gimnaziakh) // Izvestiya Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. 2011a. No 19. P. 44–57.
- Pashkova T.I.* Kazennaya gimnaziya nakanune «shkol'noi revolyutsii»: delo o samoubiistve Borisa Kolyshkina (mart-aprel' 1905 g.) // Nestor. Zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. 2009. No 13. Mir detstva: sem'ya, sreda, shkola. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya. St. Petersburg, 2009. P. 75–93.
- Pashkova T.I.* «Novaya shkola» I.A. Smirnova i L.D. Lentovskoi kak al'ternativa kazennoi gimnazii nachala XX veka // Izvestiya Volgogradskogo gos. ped.. Seriya sots-ekonom. nauki i iskusstvo. 2013a. No 3(78). P. 65–69.
- Pashkova T.I.* Rozn' sem'i i shkoly i poiski putei ee preodolenia v nachale XX veka // Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2013b. No 1. P. 146 - 160.

Pashkova T.I. «Smert' byurokratizmu!» Peterburgskie gimnazisty o shkol'noi reforme // Rodina. 2011b. No 12. P. 137–139.

Pashkova T.I. Uchashchiesya srednikh uchebnykh zavedenii Peterburga v pervye mesyatsy revolyutsii 1905 g. // Politicheskaya istoriya Rossii XX veka. K 80-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva. St. Petesburg. 2011v. P. 93–104.

Tolstoi I.I. Vospominaniya Ministra narodnogo prosveshcheniya grafa I.I. Tolstogo, 31 oktyabrya 1905 g. - 24 aprelya 1906 g. St.Petersburg. 1997. 334 p.

Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh [Elektronnyy resurs]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229/43.html>

Ustav o sluzhbe po opredeleniyu ot pravitel'stva [Elektronnyy resurs]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/175/124.html#img125>

Yakovlev N. K istorii peterburgskogo sredneshkol'nogo dvizheniya 1904 – 1909 godov. Vospominaniya realista // Revolyutsionnoe yunoshestvo. Iz proshlogo sotsial-demokraticheskoi uchashcheisya i rabochei molodezhi. Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya uchashchikhsya sredne-uchebnykh zavedenii Peterburga. 1905-1917 gg. Leningrad. 1924. P. 9–40.